

К 342.31

ВЛАСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА

Матарас В.Н., доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук
mat-rs@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается концепция власти и суверенитета, где эти феномены рассматриваются как сложные полифакторные явления в синтезе естественных и гуманитарных наук с применением методики крутящейся линзы. Суверенитет рассматривается как закрепление потенциальных возможностей этносистемы в динамическом процессе стадийных циклов, где меняется стадийный цикл, культурные доминанты и, следовательно, идеалы власти и сама власть, так как живой поток этносоциальной системы движется постоянно с подъемами, разрывами, упадками и стабилизацией. Следовательно, власть, как и ее суверенитет – не постоянная величина, а трансформирующаяся, где попытка закрепить ее формально-юридический статус это создать систему временного нестабильного равновесия.

Ключевая фраза: власть и суверенитет государства рассматриваются в динамике исторического времени и взаимосвязи с системой элементов социокультурного мира.

Ключевые слова: суверенитет государства власть, уровни власти, государство-мир, суверенитет народа, напряжение этносистемы, социокультурный мир.

Power and sovereignty of the state

Annotation. The article proposes the concept of power and sovereignty, where the phenomena are viewed as complex multifactor phenomenon in the synthesis of natural sciences and humanities with spinning lens technique. Sovereignty is regarded as strengthening the potential in a dynamic process ethnosystem in stadial cycles, where changes stadial cycle, the cultural dominant and consequently, the ideals of power and power itself, because the live stream of ethnosocial system moves constantly with rises, gaps, decline and stabilization. Consequently, the power, as well as its sovereignty - is not constant, but is transformed, where an attempt to fix its formal legal status is to create a system with temporary unstable equilibrium.

Keywords: state sovereignty, power, levels of government, State-world, sovereignty of the people, ethnosystem voltage, socio-cultural world.

Западное государствоведение традиционно связывает учение о государственной власти с теорией суверенитета. Власть и суверенитет начинались со стремления решить чисто политический вопрос: кому должна принадлежать власть в государстве и какими свойствами должна обладать [1, с. 460]. В зависимости от партийной принадлежности вопрос решался в ту или иную сторону. Его использовали как в политике, так и в праве. Применяли для характеристики правовых и политических институтов, органов и учреждений, обладающих в государстве высшей властью по

отношению к любым другим институтам, которые такой властью не обладают. Считается, что суверенному государству принадлежит высшая власть, и эта власть в данном государстве не может быть ограничена.

В таком виде концепт суверенитета приняла теория конституционного права. «Суверенитет, – пишет И.Д. Левин, – есть состояние полновластия и независимости от других [2, с. 70]». Суверенитет всегда связан с государственной властью и выражается в «способности быть абсолютной, высшей и независимой силой [3, с. 56]». Г. Кельзен подчеркивает, что суверенитет все же имеет формальный характер, где решение лежит в сфере координации между государствами и в рамках правовой системы [26, с. 40].

Обращаясь к истории понятия суверенитета, необходимо отметить, что оно не было постоянным и не оставалось неизменным в историческом времени. Теория суверенитета, созданная в борьбе светской и религиозной властей в западном мире, трансформировалась в силу динамических процессов, происходящих в этом мире. Понятие «суверенитет», употреблявшееся в смысле «высшая власть» при переходе западного мира в иной исторический период, дало начало светской теории суверенной власти. Потом в этом же мире поставили вопрос об источнике суверенной власти. Так, в юридической литературе возникла теория, охватывающая три вида суверенитета: народный, национальный и государственный. Представляется весьма любопытным, что свойства монархического суверенитета, которые вначале присваивались монарху, были перенесены на народ и утверждали уже его суверенитет. Власть монарха рассматривалась как самостоятельная внутри и независимая вовне. Менялся субъект с папы на императора или короля, а затем на народ, но характеристики суверенитета утверждались старые: как единого, неделимого, неограниченного и неотчуждаемого. Эти характеристики доминировали и доминируют в научной литературе независимо от времени. Появление концепта национального государства в Западной Европе в XIX в. способствовало и утверждению такого понятия суверенитета как независимого извне. В результате строительство национального государства, как уникального опыта XIX в. для Западного мира, стали переносить на все народы и государства. Такая теория могла быть чем угодно, но не наукой [1, с. 400]. Попытки освободить теорию суверенитета от нормативно-политического понимания ни к чему не привели.

Система власти государства и ее производное – суверенитет – могут действовать помимо норм. Это может подразумеваться или предполагаться, закрепляться в системе отношений, а может и не закрепляться. Нет нормы, которая регулировала бы доминирующую роль США в ЕС или России в начале XXI в. на постсоветском пространстве. Формально-юридическая сторона не видит и не всегда зависит от «величины, мощи, фактической силы и могущества [4, с. 338]». Задача науки – понять реальные процессы, а поэтому определять власть и суверенитет по формальной (филологической) стороне – вводить в заблуждение себя и других. Наука постоянно делает попытки понять реальную власть и реальный суверенитет.

Поскольку теория государства имеет дело со всеми возможными типами государств и их культур, а количество народов и государств то расширяется, то сужается, следовательно мы видим временно-статичные и дискретные процессы. К XV в. в Европе было до 1000 более или менее независимых государств [5, с. 75], а после Второй мировой войны 51 государство во всем мире, а сейчас около 200 и данный процесс не стоит на месте. Процессы энтропии, т.е. потери энергии и жизнедеятельности в этносоциуме, и, следовательно, процессы создания, трансформации и разрушения государств не останавливаются.

На наш взгляд, чтобы понять власть и суверенитет, необходимо обратиться к методу естественных наук – к эмпирическим фактам. Некоторые авторы предлагают создавать анализ «сущностных характеристик понятия «суверенитет» на материале тех концепций, в которых оно было сформулировано в XVII – XVIII вв.[6, с. 13]. Это, во-первых, находится в логике мыслей тех авторов, которые в это время жили и работали, во-вторых, переносить понятия XXI в. на XVII–XVIII вв. или наоборот, в-третьих, концепты суверенитета не всегда имели отношение к реальной действительности, а отражали политические запросы того времени, в-четвертых, данные концепты власти и суверенитета развивались в рамках западного мира и базировались на своеобразном опыте социально-исторической и политической истории этого мира.

Как многоаспектное явление суверенитет необходимо рассмотреть не только с точки зрения алгоритма предмета и метода, а и по источнику получения информации. Получаемая информация адсорбируется автором и фокусируется не по предмету (алгоритм математики), а для рассмотрения феномена с разных точек, включая историко-социальный фактор появления и динамики феномена власти. Чтобы понять феномен власти и суверенитета, надо брать его прошлое состояние с учетом настоящего. Рассматривая на коротком промежутке без учета причинно-следственных связей, можно канонизировать систему. Это предполагает определенный релятивизм, за которым данный феномен становится бессмысленным. Если мы утверждаем, что где-то существует цивилизационное достижение власти и норма, то тем самым фокусируем свой взгляд на определенном отрезке времени и пространства.

Необходимо смотреть не только на внешнюю юридически формальную сторону, но и различать ее содержание по элементам на коротком, среднем и длинном цикле. Нельзя заранее сказать, кому должна принадлежать власть и каков должен быть объем суверенитета в реальности, а не в норме. Это можно сделать, только изучая систему власти в историческом времени, когда система прошла определенный стадийный цикл и процессы закончились. Анализ даже в простейших математических моделях (не говоря о сложносоставных) показывает, что «нет дилеммы – полная предопределенность, не допускающая вмешательства случая или, напротив, полная управляемость и определяющая роль субъективного фактора» [7, с. 89]. В противном случае мы будем преуменьшать или преувеличивать

значение того или иного отрезка. Исследователь – это всего лишь научный работник института, живущий не так долго, даже если очень повезет. Сложносоставные системы социокультурного мира живут дольше и они на несколько порядков больше по объему, их движение иррациональное, на несколько порядков сложнее жизни одного человека. Траектории и модели движения на длинном цикле в таких системах имеют сложный и необратимый характер.

Уточним, что в сложносоставной системе присутствуют качественные содержательные характеристики для времени определенного стадийного цикла. Вариации ресурсов энергии и напряжения этносоциума позволяют перестраивать и поднастраивать систему власти. А поскольку поднастройки такой же элемент жизнедеятельности системы, как и плавный стабильный временной цикл, то в динамической системе власти она идет сложным путем, и, следовательно, постоянно изменяется власть и иерархия властей.

В своем труде О государстве Ж. Боден разъяснял суверенитет как «власть над государством, абсолютную и постоянную, в варианте же латинском объявил о существовании в государстве высшей и свободной от законов власти над гражданами и подданными» [8, с. 11]. Идея неделимости стала его важным вкладом в партийную пропаганду своих идей перед королевской властью, где высшая политика есть неоспоримое преимущество короля [9, с. 149]. Это определение отвечало политическим задачам Франции XVI в., но не отвечало фактическому положению дел и потому спорно в научном плане. В науке постоянные ссылки на данное положение Ж. Бодена вызывают только нетворческое топтание на месте.

Вопрос о власти и суверенитете – сложнейший вопрос. Отсюда сложность в научном определении феномена власти и его суверенитета, имеющего реальную привязку ко времени и территории, т.е. социокультурному миру. А различные феномены предполагают и различные концепты. Поскольку речь идет о власти и государстве в определенном стадийном цикле, то закономерен вопрос – как функционирует власть и как с ней коррелирует суверенитет. Как подсистема этносоциума (консорция), развиваясь и усложняясь, иногда создает государство, которое входит в суперсистему государств или создает государство-мир [1, с. 411], и как большие сложносоставные системы, включавшие затем в себя несколько народов и государств, осуществляют жизнедеятельность и функционируют. Ясно, что суверенитет произведен от содержательных процессов, происходящих в социальной системе государства, и он не может рассматриваться сам по себе, без анализа той системы в которой он находится.

Суверенитет – это явление вторичное и производное от сложного и полифакторного феномена – власти. Как и власть, суверенитет величина непостоянная и нестабильная. Это колеблющаяся величина, где юридически формальная сторона закрепляет то, что сложилось в данный исторический момент, в данном пространстве и в данном этносоциуме. В силу того, что юристы рассматривают суверенитет с точки зрения нормы, т.е.

математического алгоритма во вневременной основе, для современника создается иллюзия постоянной величины. Власть и суверенитет как системы взаимосвязаны и коррелируют друг с другом, но это феномены различного порядка.

Норма права в силу своей природы не уловит динамики движения за рамками математического алгоритма. Нельзя в норме закрепить недосуверенитет или полусуверенитет, так как колеблющуюся величину норма не уловит. В теории систем институты власти и нормы права – это в идеале системы, жесткие и неподвижные. Этносоциум – маргинальный феномен, в котором элементы социальные (строительство государства) и ценностные идеалы накладываются на биологические компоненты коллектива, находящегося в определенном географическом ландшафте. Это система комбинированная, находящаяся на стыке жесткой (институты власти) и корпускулярной (этнос или этносы). Именно этносоциум, создавая напряжение, через ведущий слой и правящую группу [1, с. 470] увеличивает или уменьшает темпоральность и квантум власти. В теории двойственности это две стороны одного феномена, они не могут существовать друг без друга. Формально юридическая школа всегда преувеличивает одну сторону, забывая про другую.

Вопрос в том, что кроме юридически формальной стороны власть включает и факторы политические, идеологические, экономические, а также темпоральность этносоциума, связанную с определенным стадийным циклом и месторазвитием. А поскольку колебательные процессы в этносоциуме идут с подъемами и спадами, затуханием и замиранием, то получается, что власть и суверенитет – понятие историко-социальное, где процесс нормирования – своеобразное равновесие в определенное историческое время и где в следующем стадийном цикле как в калейдоскопе изменяется расстановка в силу бифуркации напряжения в системе, и, следовательно, меняется расстановка точек доминирования властей. Формально юридическое закрепление – это кристаллизация существующего положения в состоянии неустойчивого равновесия.

Суверенитет – всего лишь никогда не достижимое идеальное состояние потенциальных возможностей системы власти и государства. По П. Бурдьё суверенитет есть завершение процесса концентрации всех видов капитала: физического, экономического и культурного [10, с. 228] – если таковой капитал объективно присутствует в данное время и данном этносоциуме. Во времени и пространстве происходит изменение объема и силы власти в этносоциуме, с проявлениями извне и внутри. Поскольку власть также система жесткая, а следовательно, более инерционная в части изменений, то попытка абсолютизировать стабильное время определенного цикла в динамической системе не приводит к остановке времени. Имея дело с идеей, теоретик-правовед пытается рационализировать динамичную действительность, хотя бы ее практическое применение пошло прахом [7, с. 13]. Для современника непосредственное наблюдение – почти всегда иллюзия, и как только кругозор расширяется [11, с. 31], это видно. Когда

Г. Еллинек утверждает, что «в развитом государстве, при нормальных условиях, она (воля, руководящая обществом) всегда имеет характер правовой [12, с. 315]», он имеет в виду именно этот временной момент.

Власть имеет свою форму и содержание. Мы видим лишь часть процессов возникновения власти. В модели сложносоставной динамики власти мы изучаем ее не непрерывно, а через определенные интервалы времени в ее проявлениях или кратные заданному интервалы, так как для историка не видны проходящие процессы и не ясны многие мотивы деятельности власти. Как в физике, когда системы, проходя через дискретные шаги, называются отображениями. Соединяя изолиниями точки отображений и эмпирическую фактуру, получаем анализ власти в пределах допуска [13, с. 85]. Множество снимков на определенный период времени – неустойчивый порядок – стадийный цикл, который в процессе динамики сменяется на другой, где точки (снимки) соединяются не простой линией, как в естественных науках, а сложной кривой с разрывами и зигзагами.

Система власти государства иногда строится самым причудливым образом, и каждый раз создает неповторимое своеобразие. Если в физике, биологии и в химии процессы структурно однородны, то в этносфере и социосфере они структурно разнородны. Чтобы понять этот процесс, необходимо расставить вехи, останавливаясь только на точках изменения истории власти и государства [14, с. 7], так как зигзаги (политические деяния отдельных лиц) нивелируются в общей системе динамики живого потока [15, с. 106].

Этносоциальная структура при подъеме и усложнении системы всегда в силу диалектики вектора направления трансформируется не просто в сложные, а в мультиплицированные. Эта трансформация идет как по горизонтальным, так и по вертикальным линиям. С внешней стороны это стадия укрепления внешней формы государственной оболочки и расширения территории, а в силу внутренних процессов она мультиплицирована, т.е. многовластна и многосложна. Этносоциум в силу темпоральности живого потока [15, с. 106] начинает расширяться и втягивает в себя народы и государства.

Так, Московское княжество начинает втягивать остатки Древней Руси. Происходит усиление власти великого князя внутри и его экспансия за счет своих соседей [16, с. 357]. Эта стадия проходила с циклами подъемов и спадов и привела к возникновению принципа единодержавия, где русский термин самодержец имел значение независимого суверена [16, с. 357]. Бывшие суверены отдельных княжеств признают его своим государем, что означало для них конец независимости, но совесть была спокойна, так как православие стало элементом, объединяющим всех. В 1552 и 1556 гг. были завоеваны Казанское и Астраханское царства. Система начинает доминировать в регионе бывшей Восточной Руси.

Власть самодержца не ограничилась сферой его частных интересов, так как возникло новое начало – государственное. Это видно в предпочтении, «отданном каждым московским правителем своему старшему сыну» [16,

с. 361] при наследовании земли и власти. С момента, когда великий князь благословляет своего сына на великое княжение, образ государства, а не князя на частном праве, уже присутствует в Русском государстве. Это дает возможность каждому наследующему правителю господствующее положение для своего рода. Здесь просматривается образ нового государства, где организация власти и государства принимает иной вектор, возникает новая социальная система государства, где Московский «государь – хозяин Русского государства» [17, с. 63].

Двор начинает концентрировать всю систему управления, где власть дисперсна. Сами бывшие князья не исчезают. Формирование социальной системы властей здесь идет по-другому. «Все великие князья и удельные – оказались перед альтернативой: либо эмигрировать либо идти на службу великому князю Московскому» [16, с. 376]. Происходит перераспределение внутри ведущего слоя и перестройка и поднастройка системы управления на основе единой державы. Московские бояре и дворяне имеют шанс получить долю или должность от правителя. Присоединенные княжества сохраняют иногда на некоторое время традиционную систему власти, но под воздействием московского двора система начинает трансформироваться.

В Римской империи германской нации в 928 г. Генрих Саксонский становится королем, принцепсом (*princeps*) – первым во всей земле, где он должен был властвовать (*imperare*) и управлять (*militare*), но только под сенью креста [14, с. 25]. Генрих покоряет славянские племена. Его сын Оттон принимает императорский сан. В латинско-христианский мир (*Respublica Christiana*) включается Северная часть Европы, Венгрия, Чехия и Польша. С благословения папы герцог Вильгельм в 1066 г. захватывает Англию. Королевство западных франков (Франция) начинает усложняться и расширяться и в зону своего влияния включает Бургундию, Фландрию, Нормандию.

Система власти иерархизируется. Все эти королевские послы, маркграфы и другие сильные люди принимают сан герцогов [19, с. 186]. Возникает социальное разнообразие властей. Герцоги, графы, владельцы с меньшей властью усложняют систему. И здесь через точку бифуркации власти происходит ее расхождение как по вертикали, так и по горизонтали. Объем власти не был статичным и никогда не устанавливался автоматически. Не будучи единственным центром власти, королевский двор во Франции оставался единственным центральным институтом управления, от которого расходились «связи, охватывающие остальные учреждения» [18, с. 79].

Благодаря такому разделению власти возникает многоуровневая система иерархии властей, где власть с королевским мандатом должна была занять первое место [19, с. 216]. Как только они признают себя связанными обязательствами верности, с этого момента возникает государство с многовластной системой. Возникает своеобразное перетекание власти, где вначале создается ее вертикальное разделение, а затем напряжение в системе этносоциума создает и горизонтальное. Результаты военной, культурной и политической экспансии идут полифакторно и во взаимосвязи. Из

этносоциумов Франции и Германии возникает суперсистема социального и культурного мира. Создается система государств мир-Европа в определенном географическом месторазвитии.

«*Dictatus papae*», сборник из 27 коротких тезисов, касающихся первенства римской кафедры в XI в., указывает на время наивысшего подъема власти римского папы. Здесь описание власти римского первосвященника в западном мире не сравнимо ни с чем. Пункт 12 говорит о том, «что он может низлагать императоров» [20, с. 74] и что он один может возлагать императорские регалии. Папа выступает как высший религиозный и политический суверен, и католическая церковь стала восприниматься как иерархическая правящая структура.

Возникают уровни власти на верхнем и нижнем этаже этого мира. Например, в польском королевстве все понимали, что их король первый в своем королевстве, независимый правитель, но в Риме есть папа, который и есть тот первый и единственный суверен, а наш король только второй, как бы он не надувал щеки и не пил водку. И вначале наследник Петра, затем Германской император создавали эту точку доминирования власти в Европе. Это понимание власти, что там есть первый, а здесь второй означало создание суперсистемы государств единого мира.

Ядро доминирования власти здесь переходило из одной системы в другую. Всегда хватало потенциальных сил для доминирования над другими, но никогда не получалось объединить всю систему целиком. Эта неудача в объединении привела в стадии цивилизации к возникновению в XIX в. теории национальных государств и возникновению своеобразной системы конституционного строительства. Но не потому, как наивно полагает автор, что в Европе «сложилось договорное сознание» [21, с. 32]. В Европе выполняли договорное право в период кулачного права, также как и период Смутного времени в России или в Англии во время войны Алой и Белой роз.

При напряжении в этносоциуме всегда образуются иерархия и различного характера единицы властвования. Создается определенная устойчивая система отношений, находящаяся в состоянии неуравновесия. Но поскольку природа власти такова, что в темпоральной системе власть между социальными властями всегда существует в виде иерархии. И в зависимости от структуры системных связей всегда будет центр и периферия, точка доминирования. И при всей иерархичности система власти, природа этносоциума требует некоторого высшего члена иерархии. И в группе государств всегда будет *suprema potestas*, где есть высшая власть и ее ядро. Это всегда сложное взаимодействие элементов власти, составляющих суверенитет. «Суверенитет, – указывал Н.Н. Алексеев, – есть некоторое особое положение элементов сложного социального отношения... идея суверенитета включает в себя идею сравнения, идею соотносительности» [22, с. 182]. Различие между Россией и Европой в том, что Европа в силу ее географии месторазвития, напряжения в отдельных этносоциумах и соответственно субгеополитики на территории одного полуострова создала систему государств, входящих в западный католический мир.

Как форма адаптации множества государств с точками доминирования, постоянно делались попытки кристаллизировать систему государственного строительства, т.е. создать нормотворчество. И только с XVI в., когда после эпохи раскола и религиозных войн система западного мира наполнилась индифферентными обывателями и этот мир пришел к своей стадии цивилизации, возникло творчество конституирующих актов и конституций. Речь идет о стадильном цикле максимального соответствия и минимальной разбежки между живым потоком действительности и нормой. Говорить о Великой хартии вольностей 1215 г. или Золотой булле 1365 г. как

о конституирующих актах, это значит идеализировать действительность того времени.

В России новый этносоциум сложился в XIV–XV вв., из Московского княжества трансформировался в государство-народ, а затем в доминирующее региональное государство – державу, и, наконец, создается государство-мир. В конце XVIII в. Россия выходит за пределы своего этнокультурного поля (Польша, Финляндия), т.е. географии месторазвития, и создается империя. Этим она делает бесполезную попытку из чужих этнических систем путем просвещенного правления и хорошего отношения сделать их своими. Ложная теория для всех времен и народов, повторяющаяся из века в век. Мироощущение и всегда сложное отношение к чужим сильнее мировоззрения и умственной деятельности и даже политической целесообразности. Все попытки изменить «сознание» путем воспитания и политинформации приводят только к телепортациям концептов во всех сферах деятельности. Но получился контакт с мусульманским миром, где отношения не повлекли за собой такой дисгармонии в отношениях. Схожесть истории и географии, несмотря на разность культур, привела, правда при определенной темпоральности стержневой системы – великороссов и их своеобразных стереотипов отношения к чужим, к положительным результатам.

Отличие государства-мир от государства-народ в том, что государство-мир способно и создает самодостаточную культурную, идеологическую и экономическую автаркию. Здесь творческие процессы идут за счет напряжения системы этносоциума и творческих возможностей верхнего этажа данной системы. Донором в данном случае выступал потенциал отбора самой стержневой (великороссы) системы и энергичных выходцев из всех народов, входящих в данную систему и принимающих ценности верхнего этажа власти. Понимание и восприятие идеала власти нижним этажом перерабатывается верхним этажом, как более сложным и творческим [23, с. 126].

По П.Н. Савицкому, строению Европы способствовало географическая составляющая, где замкнутые, обособленные мирки обладали большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве [24, с. 301]. Здесь система государства занимает свое месторазвитие, как синтез этносоциума, социально-исторической среды и занятой территории. Б. Жуневель считает

политическое разделение основным, где множество маленьких государств сохранялись «благодаря соперничеству больших; повсюду одна власть сдерживала другую, и крошечные суверенитеты могли укрепиться в промежутках между крупными государствами» [25, с. 387]. На наш взгляд, здесь присутствует и то, и другое. Это синтез темпоральности этносоциумов, создающих квантум власти в определенное историческое время, с адаптацией к определенному месторазвитию.

На основании вышеизложенного можем сделать следующие выводы.

Исследование власти и ее вторичного производного – суверенитета – невозможно на основании только формально-юридического подхода. Необходимо расширять диапазон исследований, рассмотрев теорию власти и суверенитета как полифакторные явления на синтезе естественных и гуманитарных наук и используя различные методики при рассмотрении власти с различных уровней. Рассматривать власть и суверенитет в рамках краткого стадийного цикла бесперспективно, так как для его понимания необходима причинно-следственная связь его появления. В противном случае мы будем канонизировать систему во временном цикле и определенном пространстве.

Напряжение этносоциальной системы и география месторазвития определяют геополитическую и историческую судьбу власти государства. Суверенитет государства коррелирует с системой социокультурного мира, находясь или в суперсистеме государств или являясь государством-миром. Объем и давление (доминирование) точек власти запрограммировано динамичными явлениями целой системы мира и эндогамных процессов внутри того или иного этносоциума. Всегда существуют уровни власти и точки доминирования. Власть, как и ее суверенитет, непостоянная величина, а изменяющаяся, где попытка закрепить ее формально-юридический статус – это создать систему временного нестабильного равновесия, тогда как власть в процессе исторического времени и динамики живого потока трансформируется, и где изменения происходят в каждом стадийном цикле.

Власть государства и суверенитет не может творчески существовать без верхнего этажа суперсистемы государств социокультурного мира или государства-мира при обмене и взаимодействии прямой и обратной системной связи с нижним этажом. Элементом нижнего этажа социокультурного мира являются этносы или государства и их производные (ведущий слой и правящая группа), география месторазвития и идеалы, принимаемые как верхним, так и нижним этажом. Отрыв от верхнего творческого этажа социокультурного мира этносоциума государства приводит систему к упрощению и деградации. Источник (концепт-ксения) из чужого мира может функционировать при условии принятия и творческой переработки верхним этажом и совпадении в этнопсихологических доминантах с нижним.

(Продолжение следует)

Список цитированных источников

1. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – М.: Аграф, 1998. – 640 с.
2. Левин, И.Д. Суверенитет / И.Д. Левин. – СПб.: Изд. Юрид. центр Пресс, 2003. – 373 с.
3. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь. / Г.А. Василевич. – Минск: Книжный Дом, 2009. – 318 с.
4. Палиенко, Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение / Н.И. Палиенко. – Ярославль: Тип.Губ. Правл., 1903. – 567 с.
5. Фергюсон, Н. Цивилизация: Чем Запад отличается от остального мира / Н. Фергюсон. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 544 с.
6. Галимова, Г.Ш. Учение о суверенитете в трудах ученых-юристов «школы естественного права» и политических мыслителей XVII–XVIII вв.: автореф. дис.канд.юрид.наук: 12.00.01 / Г.Ш. Галимова. – М., 2011. – 31 с.
7. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – Изд. 3-е. М., Едиторал УРСС, 2003. – 288 с.
8. Цымбурский, В.Л. Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте / В.Л. Цымбурский // Мат. науч.сем. – Вып. №4 (13). – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 9–60.
9. Хеншел, Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншел. – СПб.: Алетейя, 2003. – 271 с.
10. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2014. – 288 с.
11. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 232 с.
12. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб.: Изд.юр.кн.маг., 1908. – 599 с.
13. Пригожин, И.Р. Время. Хаос. Квант: к решению парадокса времени / И.Р. Пригожин. – М.: Полиграмма, 2009. – 229 с.
14. Дюби, Ж. Европа в средние века / Ж. Дюби. – Минск.: ООО Алфавит, 1994. 319 с.
15. Матарас, В.Н. Методы исследования форм государства в историческом времени и пространстве / В.Н. Матарас // Веснік БДУ. Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. Мінск: БДУ, 2016. – №1. – С.104–112.
16. Вернадский, Г.В. Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. – М.: Аграф, 1997. – 480 с.
17. Ключевский, В.О. Сочинения. В 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т.3: Курс русской истории. – 414 с.
18. Кольрауш. История Германии с древнейших времен до 1851 года / Кольрауш // Сочинения Кольрауша. М., 1860. – Ч.1. – 444 с.

19. Тьерри, О. Избранные сочинения / О. Тьерри. – М.: Соцэкгиз образ.тип., 1937. – 438 с.
20. Пападакис, А., Мейендорф, И. Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071–1453гг. / А. Пападакис, И. Мейендорф. – М.: Изд. ПСТГУ, 2010. – 630 с.
21. Разумовский, Ф.В. Кто мы? Реформы по-русски / Ф.В. Разумовский. – М.: Белый город, 2014. – 150 с.
22. Алексеев, Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Н.Н. Алексеев. – М., Зерцало, 2008. – 193 с.
23. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – 800 с.
24. Савицкий, П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
25. Жувенель, Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Б. де Жувенель. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. – 546 с.
26. Kelsen, H. Das Problem der Souveranitat und die Theorie des Volkerrechts / H. Kelsen. – VERLAG. Tubingen, 1920. – S. 320.